

Л. С. ВАСИЛЬЕВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(Эскиз теоретической конструкции)¹

35. Трансформация традиционного Востока: духовенство и государства

Итак, подавляющее большинство стран Востока (включая структурно близкие им страны Америки) вынуждено было в прошлом веке встать на путь достаточно радикальной трансформации. Вынудила их к этому сама жизнь, ибо для иных – традиционных – форм существования в изменившихся условиях и при постоянном все нараставшем жестком давлении со стороны колонизаторов просто не было возможностей. Исключение составляли очень немногие отдаленные, труднодоступные или мало интересовавшие колонизаторов территории. Отдельно можно вести речь о странах вроде Японии или Таиланда. Не следует забывать и о тех древних странах Закавказья и Средней Азии и о слаборазвитых и сравнительно малонаселенных территориях Кавказа и степного пояса Центральной Азии и Сибири, которые были присоединены к России, усилив мощь этой империи, разговор о которой пойдет чуть ниже.

Выше были рассмотрены факторы и обстоятельства, включая роль религиозно-цивилизационного комплекса, которые способствовали или препятствовали успешной трансформации стран Востока в прошлом веке. Резюмируя, следует сказать, что эта трансформация шла очень неровно, а в наиболее отсталых регионах, как Африка южнее Сахары, вообще была едва заметной. Тем не менее

---

¹ Продолжение. Начало см.: *Философское общество*. 1997. № 1–2; 1998. № 1, 3.

весь прошлый век прошел под знаменем именно этой вынужденной трансформации, чаще всего сопровождавшейся сопротивлением тех, кто более других склонен был придерживаться традиции. К числу этих последних следует отнести прежде всего крестьян, мало связанных или вовсе не связанных с рынком (их в любой стране Востока было подавляющее большинство населения), а также – это уже не везде и именно в этом была большая разница – значительная часть духовенства, служителей культа.

О служителях культа стоит сказать особо. Их роль как реакционной или во всяком случае крайне консервативной силы была почти не заметна там, где процесс шел быстрее и результативнее других, т. е. в дальневосточном регионе. И в Китае, и в Японии местные национальные религии (даосизм, синтоизм) были слабы и в политическом плане мало влиятельны. Что касается буддизма, то он политически обычно нейтрален, а дорогие ему традиции лежат вне сферы социального и вообще посюстороннего бытия. И хотя некоторые его секты, к слову, прежде всего именно китайско-японские, как, например, чань (цзэн), нарочито приближены к социальному бытию и даже (в Японии) к политической жизни, эта религия в целом опять-таки ни в Китае, ни в Японии не была влиятельной силой, по крайней мере в плане ксенофобии либо антивестернизаторских и антимодернизаторских тенденций. Нечто подобное было и в Индии, в религиозно-цивилизационном плане мало похожей на Дальний Восток. В этой огромной колонии именно потомственные жрецы-брахманы, как наиболее грамотный, богатый и политически активный слой населения, были едва ли не первыми, кто понял всю выгоду сотрудничества с колонизаторами и вестернизации как процесса, благотворного для страны в целом.

Обращая внимание на то, что говорилось в сравнительно-сопоставительном плане о религиях и цивилизациях Востока в предшествующих главах, стоит еще раз напомнить читателю, что анализ результатов сравнения приводил к выводу, что наиболее сильными потенциями внутреннего неприятия западного стандарта и сопротивления связанным с колониальным вторжением европейцев переменам обладали страны ислама, исторически, доктринально и территориально наиболее близкие Западу. Это могло показаться опре-

деленным парадоксом, на котором, впрочем, излишний акцент не делался. И не делался он вполне сознательно, так как исламское духовенство по многим пунктам резко отличается от того, что всегда было характерно для служителей культа (т. е. наставников населения, прежде всего крестьянских масс) в иных странах Востока, включая и христианскую Латинскую Америку, и слабо развитую Африку.

Именно мусульманские духовники, интеллектуалы ислама (улемы) и знатоки шариата, в отличие от всех других служителей культа во всех без исключения частях планеты, всегда не только были в гуще социальной, политической и даже экономической (судьи-кади в городах) жизни своих стран, но и практически заправляли этой жизнью, вникая во все ее детали и принимая на себя ответственность за все ее перипетии. И неудивительно, что именно этот мощный и необычайно влиятельный слой исламского общества резко выступил против любых связанных с вестернизацией и вообще любой трансформацией привычных и столь важных для благополучия в первую очередь этого слоя норм бытия. Даже если некоторые из правителей, начиная с турецкого султана (повелителя всех правоверных после крушения Халифата), были склонны проводить реформы и действительно их осуществляли, мусульманские духовники были последними из тех, кто эти реформы принимал и с новациями соглашался. Особенно заметно все это проявилось в нашем веке, практически уже с самого его начала.

Дело в том, что именно в странах ислама всегда существовало множество сект, причем в ряде случаев сектанты создавали собственные государства. Естественно, что в таких сектантских государствах, особенно шиитских, фундамент которых чаще всего составляли религиозные ордена со строгой дисциплиной и слепым подчинением мюридов-послушников предводителям-шейхам, всем заправляли именно авторитетные духовники, которые и становились шейхами (примерно такая схема сегодня официально закреплена в конституции шиитского Ирана). Секты обычно были склонны к восстаниям, так что религиозных движений (или, как это обычно трактовалось в отечественной марксистской историографии, крестьянских восстаний под сектантскими знаменами) мир

ислама знал немало как в далеком прошлом, так и сравнительно недавно.

Восстания подобного рода имели различный характер и играли разную роль в политической борьбе. Можно, например, вспомнить о движении бабидов в Иране в середине прошлого века, которое всерьез поколебало позиции шаха и его правительства, заставив их задуматься о реформах. Впрочем, попытки европеизации страны лишь ослабили позиции шаха, что сказалось в годы революции 1905–1911 гг. Хотя в этой революции сыграли немалую роль советы-энджумены, созданные по образцу русских советов (много иранских рабочих-отходников работали в Баку, откуда и шли революционные идеи), гораздо большую роль в ней сыграло шиитское духовенство, которое сильно влияло на позиции меджлиса (парламента), видя в нем прежде всего опору против шаха и поддерживавших его иностранцев. Правда, силы шаха и иностранцев (прежде всего Англии и России) в те годы были заметно сильнее, что и привело к поражению революции. Но попытки серьезной внутренней трансформации страны, которые продолжались в Иране после этого, и не без успеха, на протяжении свыше чем полу столетия, привели, как известно, к революции 1978 года, которая во многих отношениях отбросила Иран в средневековье и, главное, отдала власть в руки шиитского духовенства.

Если в суннитских Турции и Египте духовенство не сумело достичь подобных результатов, то это объясняется прежде всего тем, что вестернизация, серия умелых и поддерживавшихся европейцами реформ (прежде всего в Турции) и вообще колонизаторы (особенно в Египте) сыграли роль серьезного противовеса исламскому духовенству. Впрочем, не стоит забывать и о том, что фанатизм и сила влияния духовенства у шиитов заметно превосходят то, что в этом отношении могут предложить сунниты. Достаточно принять во внимание, что у суннитов глава государства (тот же турецкий султан) не столько политический, сколько именно религиозный вождь, тогда как у шиитов высшим религиозным авторитетом считается двенадцатый скрытый (исчезнувший в подростковом возрасте, не оставив потомства) имам, прямой потомок пророка Мухаммеда, в то время как шах не более чем глава исполнительной

власти, лишенный высшей сакральности и уступающий в этом смысле влиятельным духовникам (аятоллам).

Сказанное позволяет заключить, сколь существенна разница между основными направлениями даже в рамках самого ислама. Но из всего изложенного вытекает также закономерный вывод не столько даже об экстремизме шиитов (хотя он вне сомнений), сколько о корнях того самого исламского фундаментализма, который с каждым десятилетием двадцатого века все более ощутимо и бесцеремонно дает о себе знать. Важно принять во внимание, что не только забота о своих политических позициях и своем влиянии в массах побуждает исламское духовенство быть столь воинственным по отношению к буржуазному Западу. Ислам отстаивает перед Западом свои традиционные ценности и не желает ими поступаться. Именно в этом суть проблемы.

Можно выразиться и понятнее. Сам по себе капитализм как экономическая структура и все институты, стоящие на страже интересов частного собственника и свободного рынка, могут быть адаптированы интеллектуалами ислама, как о том наглядно свидетельствуют сегодня сказочно богатые нефтяными арабийские монархии в районе Персидского залива. Но что безусловно неприемлемо для исламского мира (и духовенства как выразителя его традиций и норм жизни), так это европейский образ жизни с его свободными нравами, особенно во всем том, что касается женщин.

Исламское духовенство во многих отношениях уникально. Не имея ни церковной организации, ни храмов (мечети мало их напоминают, хотя и функционально ними схожи), оно в то же время настолько тесно интегрировано с обществом, что может быть сравнимо в этом смысле лишь с конфуцианцами. Но если конфуцианцы в принципе далеки от религии и едва ли могут считаться служителями культа в полном и общепринятом смысле этого слова, то интеллектуалы ислама (как служащие типа кади, так и свободные от должностей улемы) как раз и воплощают в себе одну из самых сильных религий мира. И не только сами воплощают, но и создают определенную жесткую атмосферу нетерпимости по отношению к любым отклонениям от нерушимой нормы (для чего и существуют наказания как по шарияту, так и по адату).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что жесткая исламская религиозная система и тесно связанные с нормы бытия резче и организованней любой другой всегда стояли (и стоят ныне) за свою самобытность. А это, в свою очередь, означает, что трансформация в мире ислама всегда наталкивалась (и ныне наталкивается) на достаточно сильное сопротивление. Преодолеть его смогли немногие мусульманские страны, в начале нашего века практически только Турция, после деколонизации в середине века – еще несколько (Египет, Алжир), но и они сталкиваются сегодня с жесткой и безжалостной, кровавой оппозицией фанатиков-фундаменталистов. Легче обстоят дела в тех странах (Индонезия, Малайзия, страны Тропической Африки, Средней Азии и Кавказа), где ислам оказался вторичным, периферийным, поздним и в силу этого несколько ослабленным. Однако и здесь при подходящих обстоятельствах (распад СССР) появление жесткого ислама вполне возможно, а в отдельных случаях (Чечня) становится фактом буквально на наших глазах.

Если духовенство, особенно исламское, четко обозначило свои позиции и оказывало сильное влияние на политику соответствующих государств, то государство и как аппарат власти, и как высший субъект собственности вынуждено было, даже в странах ислама, считаться с объективными обстоятельствами. Реально складывавшаяся на Востоке, включая мир ислама, экономическая, политическая и социально-культурная ситуация требовала перемен. И если влиятельные консервативные силы препятствовали им, чего и следовало ожидать, то это никак не означало, что стоящая на повестке дня радикальная трансформация могла, быть как-то обойдена. Спрятать голову в песок, уподобившись страусу, здесь не было возможности. Реальный вызов требовал, несмотря ни на что, столь же реального и определенного ответа. И дать такой ответ в тех странах, где к власти не пришли колониальные администраторы, которые сами проводили нужную им политику, было обьязано государство.

В традиционные функции государства на Востоке всегда входила нелегкая задача организации экономической системы в целом и верховный контроль за ее нормальным функционированием. В

одних случаях, как в Китае, для этого требовалась гигантская система централизованного аппарата бюрократии, в других (Индия) нужды в государстве почти не было, что и предопределило легкое и быстрое его крушение. Но нормой было нечто среднее, суть которого сводилась к тому, что государство берет на себя крупномасштабные необходимые для нормального существования страны проекты (ирригация, мелиорация и освоение целины, строительство городских центров и дорог, освоение рудных и иных природных богатств и т. п.) и бдительно следит за тем, чтобы казна имела регулярные и полноценные источники дохода, причем не только от обработки пахотных земель и соответствующего налога для земледельцев. Для этого, в частности, иногда вводились государственные монополии и система откупов. Там, где центральная государственная власть была для этого недостаточно эффективна, аналогичные функции брали на себя ее представители на местах, будь то мусульманские эмиры в Арабском халифате или князья-дайме в Японии.

Вообще-то многие из такого рода функций нормальны для любого государства и хорошо известны также и на Западе. Но традиционное восточное государство, выполняя их, всегда ощущало себя не слугой, но господином общества, независимо от того, сколь богатыми и влиятельными отдельные слои этого общества ни были. Это доминирующее положение государства как высшего субъекта власти-собственности и централизованной редистрибуции как раз и создавало типичную для Востока административно-командно-распределительную структуру. А в рамках этой традиционной восточной структуры ответственность государства не только за благосостояние, но и за судьбы страны была практически абсолютной. И аппарат власти это всегда ощущал и признавал, в том числе и тогда, когда на повестку дня встал вопрос о вынужденной трансформации.

Уже упоминалось о том, что еще в период торгового колониализма в странах Востока сформировался влиятельный слой посредников-компрадоров, заметную роль в котором подчас играли выходцы из других стран, будь то китайцы-хуацяо в Юго-Восточной Азии, мусульмане и парсы в Индии, арабы в Тропической Африке.

Этот слой сохранил свои позиции и тогда, когда начался процесс радикальной трансформации. В колониях именно он активно помогал колониальной администрации вести соответствующую политику, в руло которой вовлекались все новые и новые слои местного населения. В странах, где сохранилось свое правительство, он также сблизился с влиятельными представителями аппарата власти, а иногда и практически сливался с ними.

Цель была вполне очевидной: власть, собственность и местный капитал, пусть еще слабый, только набиравший силу, должны были объединить свои усилия с тем, чтобы взять на себя некоторые заново появившиеся и весьма важные для государства экономические и военно-политические функции. Речь идет прежде всего о крупных современных предприятиях, как военного характера (арсеналы, верфи, оружейные и пороховые заводы, предприятия для изготовления воинского обмундирования и прочей амуниции, не говоря уже о требующихся для всего этого металле, различного рода заводских и фабричных изделиях, хлопке, коже и т. д. и т. п.), так и обычных. Дело в том, что колонизаторы, как правило, если речь не шла об их колониях, не стремились вкладывать капитал в создание тяжелой промышленности в странах Востока. Занятие это, как известно, дорогостоящее, требующее длительного времени и гарантированной стабильности, причем и при этих благоприятных условиях норма прибыли оказывается сравнительно небольшой. В то же время для восточного государства создание основ тяжелой, прежде всего военной, промышленности воспринималось как едва ли не главная задача, способствовавшая оптимальному решению проблемы трансформации. Об этом, например, заботился в свое время (в первой половине прошлого века) Мухаммед Али Египетский, сумевший благодаря военной мощи широко распространить свое влияние и даже одолеть противостоявший ему турецкий флот. Это стало заботой и многих других государств Востока уже во второй половине прошлого века, что, в частности, хорошо видно на примере Китая (так называемая политика самоусиления).

Функционально это было все то же государственное хозяйство, привычное вмешательство аппарата власти в экономику страны, выражавшееся в том, что власть брала на себя крупномасштабные

проекты, дорогостоящие и неподъемные для местной (в основном общинной в деревне или цеховой в городе) администрации или слабой еще в финансовом и организационном плане национальной буржуазии. Но по существу перед нами уже нечто новое: государство действует в условиях рынка, проникших в страну финансово-экономических рыночных связей и как бы заменяет собой несуществующего еще крупного частного собственника. Это новый сектор экономики в традиционном обществе, протокапиталистический по типу, хотя по-прежнему тесно связанный с привычными восточными нормами и традициями. Он жизненно необходим восточному государству, сохранившемуся в условиях сопротивления колониализму. Он столь же важен для развития трансформирующегося восточного общества. Но это еще не капитализм, даже не вполне госкапитализм. От капитализма европейского типа этот сектор хозяйства принципиально отличается своей нерентабельностью, экономической неэффективностью, неконкурентоспособностью.

Все эти качества неизбежны в секторе государственной экономики именно потому, что он не частный, что частный собственник, чей карман напрямую зависит от эффективности производства, здесь отсутствует. Что же касается чиновников, которые от имени государства управляют предприятиями этого сектора, то их гарантированный казной оклад практически не зависит от рентабельности производства. И они соответственно не заинтересованы в экономическом результате, неповоротливы на рынке и не в состоянии конкурировать с частным сектором, не говоря уже о том, что традиционная их коррумпированность ухудшает и без того слабую экономическую основу государственного сектора экономики.

Как бы то ни было, но в XIX в. в структурно трансформировавшемся хозяйстве сохранивших свою государственность стран Востока наряду с традиционным общинным (включая города с их торговлей) сектором появились два новых – ориентированный на свободный мировой рынок колониально-капиталистический и связанный этим рынком, но по-прежнему опутанный привычными типичными для Востока связями государственный. Оба он были необходимы для постепенного приспособления быстро меняющимся обстоятельствам. Более того, едва ли не основная тяжесть в решении не-

легких экономических проблем легла именно на неэффективный государственный сектор. Этот сектор, как хорошо известно, продолжа сохраняться и в XX в., причем его роль после деколонизации во многих государствах Востока резко возросла.

Впрочем, об этом речь пойдет в свое время. Пока же стоит обратить, наконец, внимание на те страны, которые в силу исторических (да и географических, и некоторых иных) обстоятельств оказались как бы посредине между Западом и Востоком. Речь идет прежде всего и главным образом о России.

36. Россия между Западом и Востоком

Происхождение русских как этнической общности и тем более древнерусского государства не очень ясно и уже не первое столетие вызывает споры среди специалистов. Тем не менее одно вполне очевидно: славяне (к числу которых в массе своей принадлежат россияне), как, впрочем, и германцы, да и многие иные народы, ныне населяющие Европу, особенно ее окраинные территории, к античности не имеют прямого отношения и по происхождению явно могут считаться общностями неевропейскими, т. е. восточными. Контакты скифов (иногда их считают одним из этнических компонентов, позже сыгравших свою роль в процессе генезиса древнерусского этноса) с античными колониями в Причерноморье или иудаизм хазаров, ближайших соседей Руси в древности, не сыграли существенной роли в формировании ни Киевской, ни тем более Новгородской Руси. Но вот что сыграло свою важную роль, так это принятие русскими христианства.

Христианизация Руси, осуществлявшаяся под влиянием Византии и соответственно реализовывавшаяся в восточнохристианском православном варианте, была символом приобщения русских к Европе, пусть даже только Восточной, достаточно уже заметно в те времена (конец X в.) противостоявшей всем стилем своей ориентализованной восточноримской цивилизации Европе Западной. Стоит заметить, что некоторые авторы специально подчеркивали эту близость. Однако процесс ориентализации христианизированной Киевской Руси шел еще быстрее, чем аналогичный процесс в Византии. В частности, это проявлялось в достаточно энергичных темпах

централизации власти великих князей (при всем том, что власть эта передавалась не от отца к сыну, но весьма сложным способом, с учетом старшинства кланов и поколений, что ее в немалой мере ослабляло), а также в том, что в качестве субъекта власти-собственности – в отличие от того, что имело место в раннефеодальных западноевропейских варварских королевствах того времени – выступало, как на Востоке, само государство. В качестве одной из важных причин различий, со временем все усиливавшихся, было то, что славяне, в отличие от германцев, почти не испытали на себе влияния античной рыночно-частнособственнической структуры, которая была давно уже почти изжита и в Византии, практически отрекшейся от античного наследия (на это последнее обстоятельство обращали внимание специалисты, например В. О. Ключевский).

Вначале постоянная привязанность раннехристианской Руси к византийской культуре и ее православной патриархии была вне сомнений. Соответственно складывалось и правосознание, ориентировавшее население на восточного типа рабское преклонение перед властью и небрежение к писаному праву и четко осознанному представлению о частной собственности, тем более к фиксации отношений собственности. Еще одним важным отличием Руси была широко распространенная практика порабощения русских своими же и продажа их в рабство – ситуация, схожая с африканской времен развитой работорговли, но не принятая в цивилизованных странах как на Западе, так и на Востоке, где существовало кабальное рабство и рабство пленников, но не было торговли соплеменниками. Стоит напомнить, что термин «славянин» был на Западе (куда и продавались в основном рабы) синонимом понятия «раб» и в качестве такового представлен и в современной лексике.

Происшедшее в начале XIII в. монгольское нашествие, результатом которого была потеря русскими княжествами своей независимости, во многом усугубило архаизм русской культуры, оторванной уже почти полностью от источников более высокой цивилизации, в том числе и византийской. И хотя монголы не вмешивались в повседневную и тем более религиозную жизнь русских, а влияние Запада, пусть даже со стороны слабевшей и все более ори-

ентализовывавшейся Византии, продолжало понемногу ощущаться, это влияние становилось практически мало значимым. Русские князья откровенно склонились на сторону силы, стали активно сотрудничать с Ордой. Более того, ненависть к Западу (достаточно напомнить об Александре Невском и его борьбе с тевтонами при низкопоклонстве перед монголами) явно перевешивала в их представлениях все те невзгоды, которые можно было ожидать от татарских ханов.

Результат был вполне очевидным и ожидаемым. Едва заметное влияние Запада на Руси в период татаро-монгольского ига держалось только на православии, тогда как традиционная структура государственности по мере ее формирования все более очевидно базировалась на классических принципах Востока, будь то институты власти-собственности и централизованной редиистрибуции с явной тенденцией придавить частных собственников или бесправие подданных и тесно связанная с ним психология сервиллизма, даже своего рода сервильный комплекс. И что показательно, сложившееся в Византии в условиях господства аналогичного режима православие с этим не боролось. Оно, как и русские князья, начиная с Александра Невского, явно предпочитало существование под покровительством татар возможному влиянию на русских западного христианства.

Монголо-татарское иго изуродовало душу русского народа, окончательно надломило его психологические установки, закрепив в нем тот самый сервильный комплекс (одно и то же лицо снизу вверх – холуй, а сверху вниз – хам), который столь хорошо всем нам известен и сегодня. Этот комплекс стал всеобщим достоянием, начиная с князей, с правящей элиты. Правда, возвышение московской Руси после избавления от монголо-татарского ига и особенно после падения Византии (1453), когда устами монаха Филофея в качестве национальной идеи был взят на вооружение (вместе с византийской царевной) лозунг «Москва – третий Рим», могло бы, возможно, сыграть определенную роль в европеизации россиян. Однако такого не случилось. Резкое противопоставление православия католицизму было одной из важных причин этого. Уничтожение московскими князьями и окончательно Иваном Грозным Новгорода с его вечем, некоторыми процедурами свободного выбо-

ра (в том числе князя), заметной ролью частной собственности и активной торговлей с Европой, с Ганзой, оказалось другой такой причиной. Ну, а сам Иван с его опричниной и поголовным уничтожением любого противостояния царской воле, любого протеста и, как бы мы выразились сегодня, инакомыслия – третья и, пожалуй, основная.

Но почему Ивану удалось, как удалось в свое время и Сталину, проделать такое с огромным народом, ухитряясь при этом не только не столкнуться с активным широкомасштабным протестом и тем более всенародным недовольством, но, напротив, приобретя за свои издевательства едва ли не всеобщее благостное преклонение? Как объяснить необъяснимое? Объяснение одно: народ был сломлен, его сознание питалось сервилизмом и легко поддавалось на любой обман со стороны властей. Как выразился в свое время Н. А. Некрасов: «люди холопского звания сущие псы иногда: чем тяжелей наказание, тем им милей господя». А холопы у нас, к сожалению, на протяжении всей истории в силу разных причин явно преобладали. О некоторых из этих причин уже было упомянуто. Но об одной из них, едва ли не наиболее существенной, стоит сказать особо.

Выше много говорилось о том, сколь большую роль играет религия в становлении основ той либо иной цивилизации и как много в исторических судьбах народов зависит от их принадлежности к данной цивилизации. Цивилизационно русские могли и должны были принадлежать к православному варианту христианской (антично-иудео-христианской) цивилизации Запада. И если бы было так, судьба России была бы иной и, во всяком случае на мой взгляд, гораздо более благополучной и уж по крайней мере менее драматичной. Однако вышло иначе. Российская цивилизация не стала вариантом западной. Вообще сомнительно, есть ли основания говорить в данном случае о самостоятельном и исторически полноценном варианте цивилизации, как то имело место, скажем, в случае с Японией. Здесь скорее мы вправе вести речь о своего рода субцивилизации типа латиноамериканской, т. е. о смеси очень сильной восточной традиции, в основном доцивилизационного уровня, с ориентализованным вариантом христианской (не антично-иудео-христианской!) цивилизации.

Больше того, если в латиноамериканском варианте субцивилизация веками складывалась под все усиливающимся воздействием структурно необычайно мощной католической церкви, то российская субцивилизация оказалась, напротив, ареной борьбы все укреплявшихся и подчас достигавших абсурдных форм институтов классической восточной структуры, питавшихся за счет соседства с Востоком и заимствований оттуда, с угасающим воздействием Запада. Эта неравная борьба шла при минимально ощутимом и повизантийски придавленном властью влиянии слабого православного христианства. Неудивительно, что подобного рода ситуация сыграла, да и ныне продолжает играть, роковую роль в судьбах России. А суть ее в том, что православная церковь, столь энергично борющаяся с католицизмом и истратившая на эту борьбу едва ли не все свои духовные силы, да к тому же оказавшаяся под мощным давлением восточно-деспотического государства, оказалась не в состоянии создать жесткую формализованную этическую норму, которую приняло бы как свою и которой стало бы, не рассуждая, автоматически следовать подавляющее большинство населения, как это имеет место во всех известных миру развитых цивилизациях, включая различные их варианты, да и в таких субцивилизациях, как латиноамериканская.

Форма, о которой идет речь, – это не просто внешний церемониал или церемониальный ритуал, который тоже необычайно важен и никогда не должен игнорироваться. В данном случае речь идет о гораздо большем. Имеется в виду прежде всего общепринятый и во всех цивилизованных обществах в подавляющем большинстве случаев опять-таки автоматически соблюдаемый моральный стандарт, включающий в себя и ценностные ориентации, и принципы поведения и речи, и просто должную степень уважения к человеку (включая прежде всего самого себя), а также к его имуществу. Такого рода стандарт всегда и везде создавала развитая религиозная система. Собственно, создание его и было едва ли не важнейшей социальной функцией религии.

Словом, развитая религия, тем более лежавшая в основе цивилизации, даже субцивилизации, во всех известных миру случаях создавала жестко формализованную и обязательную для всех, авто-

матически действующую систему социальной этики. Создание такой системы следует считать первоочередной задачей сколько-нибудь культурного общества. Известно, например, что коль скоро в цивилизованном обществе почему-либо не было развитой религии, ее функции с успехом могла выполнить развитая идеология, как то случилось с конфуцианством на Дальнем Востоке. Строгая система этики возникла в свое время в странах индо-буддийского мира с его безжалостной идеей кармы, и в мире ислама, и в западном христианстве, как католическом, так и протестантском. Больше того, аналогичная система возникала во всех субцивилизациях, будь то древневосточные, античная или все та же латиноамериканская. Оставив в стороне Тропическую Африку, можно смело сказать, что с созданием такого рода системы не преуспело или преуспело в явно недостаточной, неудовлетворительной степени лишь русское православие. Характерна в этом смысле классическая и всем известная поговорка: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится!» Здесь имеется в виду именно то, о чем идет речь: отсутствие автоматизма в соблюдении морального стандарта. Стандарт исторически не был выработан, и вина за это ложится на русскую православную церковь. Объективно оценивая ситуацию, в которой на протяжении веков находилось русское православие, можно было бы сказать, что это не столько вина его (хотя момент вины я бы не стал сбрасывать со счетов), сколько беда. Однако от этого никому не легче. Факт остается фактом: россиянин с древности был, с одной стороны, рабом с сервильной психологией и соответствующим поведением, а с другой (обратной, но очень тесно связанной с первой) – скорее анархистом и сторонником бунтующей полуразбойной вольницы в стиле Стеньки Разина, чем благопристойным прихожанином, соблюдающим к тому же основные заповеди. Нет смысла спорить, в какой степени виноваты в этом татаро-монголы (существует версия, будто от них пошло столь распространенное у нас матерное сквернословие, хотя многим специалистам эта версия справедливо кажется совершенно несостоятельной) и какая доля вины лежит на нас самих, тем более, что выше кое-что об этом уже было сказано. Но бесспорно одно: та степень пьянства и воровства (явления, известные в общем-то повсюду, но не в такой

степени, не в качестве повальной заразы!) и тем более матерного сквернословия с явственно выраженным неуважением к собеседнику и одновременно к самому себе (которое является практически всеобщим достоянием среднего россиянина и особенно рельефно проявляет себя в наши дни, когда привычный гнет власти демократически ослаблен) не идет в сравнение ни с чем.

Можно было бы считать, что нынешний моральный стандарт (вернее, его почти полное отсутствие) – результат большевистского эксперимента с характерными для этого режима гонениями на религию и церковь. Но считать так стоило бы лишь в том случае, если бы было хорошо известно, что прежде все обстояло иначе. Конечно, большевики усугубили многие негативные стороны нашего морального стандарта. Но не они его создали! Показательно, что ни в Китае, ни в Восточной Германии (а в этих странах аналогичный коммунистический режим просуществовал несколько десятилетий, в Китае не исчез и сегодня) гонения на религию не породили резкой перемены в моральном стандарте населения. И не потому, что у нас эксперимент длился несколько дольше, а скорей оттого, что стандарты были разными. К слову, очень хорошо сила российской архаической культуры при слабости цивилизационно-религиозного стандарта показана в романах А. Платонова, где архаизм мировосприятия революционных и пореволюционных событий простым народом просто поражает.

Справедливости ради стоит заметить, что православная церковь подчас пыталась восставать против той участи, что ей изначально (по византийскому эталону) была уготована. Но эти попытки, включая наиболее значительную из них – старообрядчество с его гораздо более жестким, чем в православии в целом, моральным стандартом, потерпели поражение, а сами старообрядцы в большинстве своем были уничтожены, изгнаны из страны либо загнаны в далекие медвежьи углы необъятной России. И это тоже можно считать исторической бедой россиян.

Сыграли ли все эти беды свою роль в том, как развивалась история России, как складывались в стране отношения социальных слоев и какую жизнь в конечном счете был вынужден вести низший и наиболее массовый из них? Безусловно! Бескультуре, ока-

завшееся прямым следствием слабости морального стандарта (с укреплением которого не справилась православная церковь), вело к усугублению в стране издревле существовавшего в ней сервильного комплекса. В обстановке повального бескультурья и великого культа грубой силы, произвола власти не было места для воспитания в людях достоинства и не было условий для его защиты. Зато создавались вполне подходящие условия для завоеваний, посредством которых сильная власть укрепляла свои державные позиции и создавала территориально-этническую основу для будущей огромной империи. И эта имперская мощь импонировала рабской психологии подданных, усиливая в них сервильный комплекс и одновременно несколько облагораживая этот комплекс в сознании его обладателей: мы – великая держава, и это самое главное. А то, что цена этого – рабство каждого из нас, многим казалось (например, во времена Ивана Грозного) и кажется сегодня (вспомним демонстрации с портретами Сталина) не заслуживающим внимания. Главное – государство, а человек – потом. Не государство для человека, как то считается нормой на Западе и даже в конфуцианском Китае, а человек для государства.

37. Россия в XIX в. и ее великая культура

Один из многих парадоксов истории: как бескультурье огромной страны сумело породить великую культуру, равную которой в прошлом веке было не так легко найти. В чем секрет, загадка России XIX века? Ответить на эти вопросы нелегко. Но ответ все-таки существует. Попытаемся разобраться, что к чему.

Со времен великой смуты начала XVII в. стало очевидным, что держава ослабла. Попытки усилить ее мощь при первых царях династии Романовых, в частности при Алексее Михайловиче, не дали заметных результатов. Закабаление крестьян и появление двух резко противостоявших социальных слоев – служилого дворянства и кормящего дворян крепостного крестьянства – положили начало резкому социальному расслоению, но не дали в руки царей желанной военной мощи. Петр Великий первым из Романовых и вообще из русских правителей понял, что истоки внутренней слабости России – в ее отрыве от Запада и ставших к этому времени вполне

ощутимыми достижений капитализма с его быстрыми темпами экономического роста и технико-технологического прогресса. В эпоху колониализма отставание грозило России судьбой колонии. Альтернатива была в добровольном и очень активном сближении с Западом. Именно это и осуществил Петр, опираясь на привычную для народа идею державности и смело используя все преимущества сервильного комплекса (когда он таскал за бороды русских бояр или срезал эти бороды на потеху публике, среди которой было много приглашенных им и подчеркнуто уважавшихся им иностранцев, в основном моряков, торговцев и иных специалистов, он хорошо понимал, что имеет дело с носителями рабской психологии).

Реформы Петра «прорубили окно» в Европу, а его преемники, и более всего Екатерина Великая, продолжили эту политику. В результате Россия в XVIII в. укрепила свои позиции как великая империя и к тому же расширила границы, прежде всего за счет ослабшей Османской империи. Ни Петр, ни Екатерина не уничтожили крепостного рабства и не сделали ничего, чтобы избавить народ от психологически вьезшегося в него сервильного комплекса. Но зато при Екатерине были сделаны важные шаги по преодолению этого комплекса у дворян. Указ о вольности дворянской и некоторые иные аналогичные реформы, к тому же в сочетании с наводнившими Россию иностранцами и распространением среди дворян моды на все французское, начиная с языка, способствовали усвоению верхними социальными слоями многих цивилизационных ценностей Запада.

Трудно преувеличить значение этого процесса. На смену петровским боярам с их архаическим бытом и рабской психологией пришли воспитанные на французский манер дворяне с их заимствованными из европейской культуры представлениями о чести и достоинстве аристократа, которые считались дороже всего, даже жизни. Оскорбление дворянина (разумеется, со стороны равного ему) смывалось лишь кровью на дуэли, как то давно уже практиковалось в Европе. Это было социально-психологической революцией, правда, ограниченной лишь узким слоем привилегированных (феномены типа Ломоносова оставались редчайшим исключением). Но и этого было немало. Напротив, даже очень и очень много. Благодаря

этому стало возможным появление таких образованных и реформаторски настроенных деятелей, как декабристы, и таких гениев свободной мысли, как Пушкин.

Вся русская культура XIX века – великая культура, значимость которой и для России, и для Европы, и для всего мира едва ли можно преувеличить, была результатом начавшегося Петром и продолженного Екатериной дрейфа державы в сторону Запада. Все западное воспринималось в России с почтением и достаточно быстро усваивалось. Настолько быстро, что славянофилы середины XIX в. стали даже всерьез опасаться, как бы эти заимствования не подорвали основ русского национального духа и его древних культурных ценностей. Едва ли стоит всерьез спорить с этими идеями, хотя они и отражали настроение определенной части мыслящей России, недовольной быстрыми темпами ее вестернизации. Вестернизация, о которой идет речь, была частью того самого глобального процесса, который в те времена затронул весь неевропейский мир, о чем уже было достаточно подробно сказано в связи с анализом колониализма. Принципиальное отличие России от всего восточного мира было в том, что она в отличие от остальных (здесь может быть параллель только с Японией, проделавшей нечто похожее намного позже, но зато в исторически крайне сжатые сроки) *добровольно* выбрала свой путь и активно стремилась к достижению максимальных успехов в движении по этому пути.

Успехи давались с трудом. Более всего они были заметны, как упоминалось, в сфере культуры, которая создавалась в основном усилиями вестернизованного дворянства и немалого количества эмигрантов (немцев и голландцев еще с петровских времен; французов и итальянцев в основном чуть позже, хотя, как известно, Кремль строился по итальянским чертежам еще задолго до Петра; с екатерининской эпохи, после присоединения Польши, в России появилось немало поляков и евреев). Гораздо сложнее обстояло дело с экономикой. Хотя частная собственность со времен Петра обрела достаточно прочный статус, собственниками были в основном все те же дворяне, а объектами собственности – земля и крестьяне, которые в XVIII и особенно в первой половине XIX в., вплоть до Великой реформы 1861 года, были крепостными рабами своих поме-

щиков и в случае надобности продавались, что называется, с молотка.

Заводы в петровские времена представляли собой полугосударственные предприятия с приписанными к ним опять-таки крепостными рабочими, так что об экономическом эффекте и рыночном характере всего промышленного производства применительно к той эпохе, да и ко всему XVIII в., едва ли стоит говорить. Только с XIX в. в России появляется созданная усилиями в основном купцов и разночинцев фабричная, а затем и заводская частная промышленность, которая, однако, стала развиваться достаточно быстрыми темпами, а после 1861 года – даже стремительно. В России стали возникать крупные в полном смысле этого слова частнокапиталистические предприятия, как, например, Путиловский в Петербурге, которые работали не только по государственному заказу, но и на рынок, и имели тесные связи с поставщиками из разных стран.

Россия конца XIX в. – это уже могучая и в военном, и в политическом, и в финансово-экономическом плане империя. Победы ее (прежде всего над Наполеоном) обеспечили ей прочное место среди ведущих европейских держав. Завоевания в Средней Азии и политика на Дальнем Востоке поставили Россию, наряду с иными европейскими державами, в ряд стран-колонизаторов. Великая русская культура: литература и живопись, музыка и театр, особенно балет, критика и политическая публицистика, университеты и среднее образование (гимназии) – достигла высот мирового уровня, а кое в чем этот уровень и превосходила, став своего рода законодателем мод. Словом, едва ли не по всем основным параметрам, кроме разве что основ традиционной структуры, Россия стала частью Европы. Но вот это самое *кроме* заслуживает специального внимания.

Несмотря на заигрывания Екатерины с мыслителями эпохи Просвещения, в частности с Вольтером, просвещенной монархией Россия не стала ни при ней, ни после нее, хотя попытки в этом направлении предпринимались неоднократно. И это было обусловлено важными причинами. Заимствование многого из европейских традиций и цивилизации, особенно в сфере культуры, было очень важным для трансформации России, для приближения ее к евро-

пейскому стандарту. Но это заимствование затрагивало в основном, а в некоторых важных сферах и исключительно, сравнительно узкий слой социальных верхов. Вначале – исключительно дворянства, к концу века также и наиболее способных и удачливых так называемых разночинцев, т. е. выходцев из купечества, духовенства, мещан и даже крестьян. Казалось бы, едва ли не все социальные слои так или иначе стали принимать участие в развитии страны и занимать свое место в различных сферах ее экономической, политической и культурной жизни. Однако на деле все было не так.

Четкая и даже резкая грань отделяла только что обозначенную разночинную верхушку российского общества (с учетом всех важных ее внутренних градаций) от основной массы населения, от крепостного, а после 1861 г. формально свободного крестьянства. Пожалуй, ни в одной из стран мира, как на Западе, так и на Востоке, в XIX в. не было столь резкой и губительной для судеб страны грани. Грамотные и хорошо образованные верхи общества, вначале в основном лишь дворяне, позже также и разночинцы, объединенные специфическим русским термином *интеллигенция*, были причастны к великой культуре России и к основам западноевропейской цивилизации с ее достаточно устойчивым и веками апробированным моральным стандартом. Низы – едва ли не 90 % населения – находились вне всего этого и были объединены в рамках небольших деревенских общин, каждая из которых была в принципе удовлетворяющим потребности общинников «миром». Этот крестьянский мир с его архаичным сознанием, устойчивым, веками воспитанным сервильным комплексом и специфическими традициями, восходящими к примитивной первобытности не в меньшей степени, нежели к православию, и по условиям жизни, и по нормам бытия, и по сознанию своему, по психологическим установкам не только не был похож на мир стоявших над ним образованных и цивилизованных интеллигентов, но и резко противопоставлял себя им.

Этого резкого противопоставления не было нигде, причем именно такого рода специфика России во многом объясняет как драматизм ее судеб в XIX и тем более XX в., так и величие ее культуры. Разберемся в сказанном несколько подробнее. Дело в том, что отпущенный на волю в 1861 г. русский крестьянин был в

такой же степени не готов к воле, как современный русский после реформ Горбачева к демократии и свободе. И в том, и в другом случае это была не столько экономическая, сколько социально-психологическая неподготовленность, своего рода иждивенческий синдром, т. е. привычка полагаться едва ли не во всем на волю хозяина (в нашем советском случае – государства) и практическое неумение целиком полагаться только на самого себя. Нельзя забывать и о столь чуждой психологии общинного быта частнособственнической стихии. В любой стране Востока в годы трансформации было нечто подобное. Но там все слои населения (за исключением немногих из числа социальных верхов и посредников) находились в примерно равном положении и, что еще важнее, были весьма схожи друг с другом и судьбами, и социальным статусом. Перед лицом традиционного восточного государства все налогоплательщики, как богатые, так и бедные, были равны. Да и образование как таковое имело не столь уж большое значение: разве что в мире ислама оно давало в среде духовенства некоторые привилегии, а в Китае – право (но только право, реализовать которое было делом весьма трудным и удавалось немногим!) стать чиновником.

Совсем иначе сложились отношения в России. Сервильный комплекс и сложившиеся традиции усугубили разрыв между низшими слоями и высшими. Мужик и барин (а барамы считались все образованные, независимо от их имущественного положения, т. е. интеллигенты) в представлении крепостных крестьян были выходцами из разных миров, причем если крестьяне воспринимали этот факт как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь особенно над ним, то для интеллигенции он стал фундаментом для глубокой саморефлексии. Образованные люди России, среди которых было много искренних патриотов и просто совестливых людей (совесть как понятие свойственно едва ли не прежде всего и главным образом именно России – в иных странах ее эквивалент имеет отношение к конфессии и не более того, причем появление и широкое распространение этого термина и понятия в русском быту прошлого века было связано именно с тем, о чем сейчас идет речь), считали себя в ответе за судьбы русского общинного крестьянства.

Стремясь как-то изменить ситуацию и загладить свою не столь реальную, сколько выдуманную ими же вину перед нищим и угнетенным народом, русские интеллигенты видели свой долг в том, чтобы раскрыть людям глаза, помочь стране осознать и преодолеть страшный разрыв между верхами и низами. Но как этого можно было достичь? Было лишь два пути. Первый из них сводился к тому, чтобы развивать нищую культуру народа. Именно в результате такого рода усилий и была создана интеллигентами прошлого века великая русская культура с ее непревзойденной литературой, впечатляющей музыкой, реалистическим изобразительным искусством и многими иными великолепными достижениями. Произведения культуры экстракласса призваны были затронуть души людей, множества людей, и тем способствовать развитию самосознания русского народа. Этого, как известно, не случилось. Даже сравнительно поздние из русских интеллигентов, каким был, в частности, Некрасов, не дождались того, чтобы русский мужик понес домой с базара «Белинского и Гоголя».

Великая русская культура прошлого века осталась величайшим феноменом человечества и сыграла свою роль в воспитании людей, причем далеко не только русских. Но произошло это много позже, уже в нашем веке, когда эта культура стала достоянием получавших образование во все большем количестве наших соотечественников. Что же касается прошлого века, то даже после освобождения крестьян она была им фактически незнакома. Убедительна в этом смысле просветительская деятельность Льва Толстого: для своей народной школы в Ясной Поляне он писал столь примитивные рассказы, которые только и могли быть поняты и прочувствованы учениками. Великая литература, вышедшая из-под его же пера, была в то время – увы! – не для них.

Некоторые надежды, связанные со все той же благой целью способствовать развитию культуры, русские интеллигенты возлагали на земство, то есть на легальную работу в гуще народа в качестве учителей сельских школ, врачей, ветеринаров и прочих грамотных и образованных специалистов, которые призваны были облегчить жизнь народа при официальной государственной поддержке. Эта работа приносила некоторые конкретные результаты, под-

час немалые, но она была каплей в море страданий и неустроенности пореформенного русского крестьянства. Охотно принимая помощь и пользуясь услугами специалистов, крестьяне, даже будучи глубоко благодарными за содействие, не считали представителей земства за *своих*. Они относились к ним по-прежнему как к барам, причем формально для этого были все основания: образ жизни русского интеллигента в деревне в прошлом веке коренным образом отличался от того, который вели крестьяне, даже разбогатевшие.

Существовал и второй, много более страшный и чреватый невиданными потрясениями для страны путь, который выбирали все те же интеллигенты. Это был путь насильственного и резкого изменения российского общества. Многие из интеллигентов шли в ряды радикальных реформаторов, революционеров и даже экстремистов, целью которых было, не считаясь ни с чем и действуя в основном силовыми методами, помочь простому народу выбраться из той полуживотной жизни, в которой он пребывал в силу исторически сложившихся обстоятельств. Все началось с народников прошлого века.

Русское народничество не чета европейскому популизму XX века, целью которого является главным образом стремление привлечь симпатии электората. Хождение в народ, явившееся едва ли не центральным моментом народничества, ставило своей целью, как и позже аналогичные устремления великого Льва Толстого, просветить простых людей и вырвать их из прочных пут привычных примитивных традиций. Объективные возможности для этого открылись после 1861 года, но освобожденные крестьяне психологически остались теми же, что были и прежде. Они не верили *барам* и не слушали их увещаний, подчас имевших достаточно радикальный подтекст. Более того, чаще всего они выдавали народников властям, обычно пресекавшим хождение интеллигентов «в народ». Эта политика, к слову, способствовала изменению тактики наиболее радикальных из числа народников, что вылилось, как известно, в политический террор, положивший начало успехам экстремизма в России.

Вплоть до конца XIX в., и более того, вплоть до трагедии 1917 года, резкое разделение, противостояние, даже прямой раскол

между низшими слоями (в основном крестьянами) и верхними, аппаратом власти и интеллигенцией не были преодолены, хотя серьезные попытки в этом направлении делались, в частности знаменитым реформатором П. А. Столыпиным, стремившимся преобразовать хотя бы некоторых общинных крестьян в работающих на рынок хуторян, в мелких частных собственников. И именно этот раскол явился основой трагедии России в нашем веке.

Завершая краткую оценку русской истории в прошлом веке, стоит снова вернуться к тому парадоксу, который был обозначен в заголовке параграфа. Как в ситуации массового бескультурья и отсутствия жесткой общепринятой и автоматически соблюдаемой большинством этической нормы могла возникнуть великая русская культура XIX в.? Ответ на этот вопрос уже был дан: эту культуру создала русская интеллигенция. Та самая, что внутренне остро ощущала свою вину перед народом за то, что была иной, резко отличной от него. Она хорошо сознавала, что в основе раскола были архаичность, бескультурье, непросвещенность крестьянства. Создавая великую культуру и питаясь при этом соками народа, неформальным, но веками складывавшимся духовным потенциалом России (но в то же время и активно заимствуя выработанные европейской цивилизацией формы и усваивая европейское наследие), русские интеллигенты как бы старались загладить свою несуществующую, но казавшуюся им столь большой вину. И это шедшее от постоянно будоражившей их крайне обостренной и чуть ли не болезненной совести сознание творило чудеса.

Русские интеллигенты прошлого века сделали все, что могли. И не их вина, что сделанного ими оказалось мало. Точнее, сделанное ими оставалось в мире верхней высокой культуры, в подавляющем большинстве своем далеко от столь любезного им русского крестьянства и потому не воспринимавшегося им. Неудачей совестливой интеллигенции воспользовались лишенные совести или просто не принимавшие в расчет эту важную категорию души человеческой экстремисты из числа тех «бесов», что были в конце прошлого века столь блестяще обрисованы великим Достоевским. Заимствуя, как и все образованные люди России, свою мудрость из западноевропейских книг, экстремисты сделали ставку на революцион-

ный переворот. И хотя в основу их рассуждений были положены сетования на скверные условия жизни русского пролетариата, который и должен был поэтому стать базой классовой борьбы и основной силой революции, на деле все, как известно, случилось иначе. Империя пала от жестокого внутреннего кризиса, а падением ее воспользовались все те же бесы, сыгравшие на бескультурии и отсутствии этических сдержек у народа. Под всем понятным лозунгом «Грабь награбленное!» была поднята мощная волна глубоко таившегося недовольства русского крестьянства, которое на погибель самому себе и стало уничтожать все то, что на протяжении веков было создано его же руками. Это и привело к катастрофе. Впрочем, катастрофа 1917 и последующих годов относится уже к XX в. Прежде чем обратиться к нему, стоит подвести некоторые итоги XIX веку.

38. Человечество в XIX веке

На протяжении всего XIX в. шел, причем с существенным нарастанием темпов, процесс превращения разрозненных и отдаленных друг от друга, очень отличных по многим параметрам один от другого регионов в нечто единое и цельное. Вообще-то говоря, тенденция, о которой идет речь, уже ощущалась на рубеже XVIII–XIX вв. и была тесно связана как раз с тем глобальным процессом трансформации и вестернизации неевропейского мира, о котором шла речь в данной главе. Европейцы, а именно они лидировали в движении мира по пути к цивилизационному и в первую очередь техническому прогрессу, ощущали это движение сильнее, нежели все остальные.

Правда, ощущение это было вначале весьма своеобразным. Достаточно сослаться на систему Гегеля, в рамках которой весь Восток представлен как совокупность неисторических, застывших в своем движении государств и народов. Легко бросить камень в Гегеля, обвинив его в европоцентризме. Но если вспомнить, сколь застывшим и спящим действительно выглядел Восток в его время, особенно по сравнению с динамичной Европой, то окажется, что он едва ли заслуживает упрека. Более того, стоит обратить внимание на то, сколь серьезно и глубоко проанализировал Гегель специфику

традиционного Востока, выявив при этом те самые принципиальные отличия его структуры, которые Маркс позже назвал «азиатским» способом производства и которые в наши дни в отечественном обществоведении чаще всего именуют командно-административно-распределительными.

Однако заслуживает внимания и другое обстоятельство. Выделив Восток, быть может, первым из европейцев, в особую и обстоятельно охарактеризованную им застывшую «неисторическую» структуру, Гегель в то же время не отказал этой (преобладающей) части человечества в ее месте и роли во все той же истории. «Неисторичность» Востока означала в его системе нединамичность и застывшее состояние по сравнению с бурно проявлявшей себя уже в начале прошлого века эволюцией Европы. Но сам факт включения Востока в систему и обстоятельный анализ его структуры говорили о том, что системой Гегеля динамичный Запад как бы включил Восток в единую общность, хотя и отметил при этом принципиальные структурные различия между столь разными частями человечества.

Неогегельянцы и иные мыслители середины века, в том числе и радикалы, включая того же Маркса, тоже уделяли внимание Востоку и чем дальше, тем более определенно фиксировали начавшуюся там трансформацию. Вполне естественно, что эту трансформацию они, особенно революционеры из их числа, мыслили прежде всего как вестернизацию и постоянно прикладывали европейский эталон к событиям на Востоке, порой ожидая там чуть ли не революцию по-французски с ее лозунгами «Liberte! Egalite! Fraternite!». Разумеется, эти наивные представления вскоре были оставлены. Но расчет на радикальные революционные перевороты, хотя бы в некоторых странах Востока, оставался и был отнюдь не случайным: многое в процессе сложной внутренней эволюции оставшихся формально независимыми стран Востока говорило в пользу того, что революции, пусть верхушечного типа, там возможны. Как известно, в ряде стран они действительно произошли в начале XX века, о чем будет упомянуто в свое время.

Движение восточного мира в сторону европейского (а в конце века – уже и американского) Запада было исторически обусловлен-

ным и неизбежным. Как и всякий исторический процесс, оно было медленным и почти незаметным глазу современника событием. Однако постоянно ощущалось, причем, как упоминалось, шло нарастающими темпами. Этому способствовали многие сопутствовавшие ему обстоятельства. Речь прежде всего о техническом прогрессе. Пароходы и железные дороги сокращали расстояния и делали возможным осуществить кругосветное путешествие чуть ли не за два-три месяца, что несравнимо с долгими годами, которые уходили на это еще сравнительно недавно. Азбука Морзе и связанный с ней телеграфный аппарат позволили уже во второй половине века опутать чуть ли не весь мир телеграфными проводами, что еще более сократило расстояния, дав возможность распространять важнейшую информацию по всему миру в кратчайшие, немислимые до того сроки.

Вовлечение всех неевропейских регионов, вплоть до отдаленных архипелагов Океании, в гигантскую всеохватывающую систему мирового рынка сыграло важную роль в полномесном наполнении всех возникших в ходе технического прогресса каналов связи и в свою очередь давало постоянные импульсы, направленные на совершенствование и умножение этих каналов, на ускорение движения с их помощью людей, товаров и все нарастающего потока информации. Это было важно как для развития уже охвативших весь мир рыночно-частнособственнических экономических связей, так и для реализации необходимых связей военно-политического характера, потребность в которых возрастала чуть ли не в геометрической прогрессии по мере увеличения колониальных захватов и учащения столкновений европейских держав в борьбе за колонии и новые рынки.

Осваивавшийся европейцами Восток с каждым десятилетием обретал все большую притягательную силу для многочисленных стяжателей и любителей экзотики, для серьезных ученых-исследователей и свято веривших в свою божественную миссию служителей культа, для зарабатывавших там неплохие деньги чиновников колониальной администрации и вербуемых в колониальные войска солдат и офицеров. Это вело к резкому и со временем все нарастающему потоку европейцев в страны колониального и зави-

симого Востока, что также способствовало как трансформации и вестернизации неевропейского мира, так и неуклонному реальному его сближению с миром Запада, знакомству его с основами западной цивилизации во всех ее основных аспектах, будь то многовековая и высокоразвитая культура, энергично развивающаяся техника, традиционные нормы политики и права, система образования, успехи науки и здравоохранения и т. д. и т. п.

На Восток проникали и многие европейские идеи и идеалы. К концу прошлого века они уже достаточно прочно укрепились не только в колониях, где их вполне официально могли исповедовать и распространять сами колонизаторы, но и в зависимых странах, куда они проникали через многочисленные каналы связи и где находили живой отклик среди тех слоев местного населения, что были готовы к трансформации и вестернизации и даже жаждали этого. К числу идей, о которых идет речь, относились не только те, что лежали в основе европейского типа администрации и организации управления государством, включая принципы демократии и идеалы свободы, но также и такие, которые в Европе заслуженно считались радикальными и официально не поддерживались. Речь идет прежде всего о революционных идеях различного толка, как умеренных, так и крайних, ориентированных на свержение существующего порядка насильственными средствами с участием вооруженных революционных масс.

Европейские идеи в целом сыграли важную роль в трансформации традиционного Востока и ее ускоренной реализации по западному эталону. Наиболее наглядно и эффективно эта модель проявила себя в Японии, где после реставрации империи в 1868 г. и начатых в связи с этим энергичных реформ вестернизация страны была осуществлена столь быстро и эффективно, что феномен Японии до сих пор еще будоражит умы специалистов, истолковавших его еще далеко не исчерпывающе. В отличие от многих других восточных народов, японцы сами стремились заимствовать у европейского Запада как можно больше ценных, нужных, важных и, главное, приемлемых для их страны сведений и нововведений. Неудивительно, что за треть века Япония преобразилась, став на рубеже XIX–XX вв. одной из мощных империй мира, имевшей (в лице Ко-

реи) свои колонии. Но Япония – уникальный феномен. Нормой же было скорее навязывание европейских идей, нежели добровольное их восприятие. Впрочем, как уже говорилось, это касалось не всех. Ряд слоев традиционного (а точнее, трансформирующегося) восточного общества такие идеи воспринимал, причем довольно охотно. Однако в отличие от японцев в странах, которые имеются в виду (и среди слоев, о которых идет речь), воспринимались преимущественно наиболее радикальные идеи. Почему же?

Дело в том, что любое преобразование идет медленно, так как для него требуется время. Тем более, если имеется в виду трансформация, призванная кардинальным образом изменить привычную, веками устоявшуюся традиционную структуру. Преобразование идет не только медленно, но и неохотно, наталкиваясь на энергичное сопротивление со стороны большинства консервативно настроенного населения, не желающего перемен и не готового к ним. Радикальные же идеи тем привлекательны, что они обещают быстрые результаты. Неудивительно, что в трансформирующемся обществе легко находят уже вестернизовавшиеся его представители, которые оказываются не только хорошо знакомыми с радикальными идеями, но и поверившими в их действенность и пригодность.

Речь не идет только о революционном взрыве, не говоря уже о том, что такого рода взрыв сам по себе в ответ на страстное желание горстки революционеров не приходит. В лучшем случае его нужно долго и умело готовить, на что необходимо время, порой немалое. Поэтому речь идет прежде всего о реформах радикального, пусть даже для начала умеренно-радикального толка. Порой эти реформы приносили результат сами по себе, как то случилось с Японией. Но чаще они оказывались лишь предтечей революции. Так обстояло дело в середине прошлого века с серией реформ в Османской империи, получивших сводное наименование «танзиматных» и добившихся немалых позитивных результатов. В Иране после движения бабидов реформы, напротив, не оказали на развитие страны существенного влияния, хотя англичане в меру своих возможностей им способствовали, да и сами шахи немало делали в этом направлении. В Китае движение реформаторов в 1898 году на-

толкнулось на яростное сопротивление властной Цы Си и потерпело полное поражение. Зато в Таиланде проводившиеся сверху реформы имели успех и заложили основы процветания независимого Сиама (в этом отношении Сиам оказался близок Японии, и эту близость правители страны всячески подчеркивали, особенно в суровые годы второй мировой войны, когда практически вся Юго-Восточная Азия оказалась оккупированной Японией).

Словом, первым результатом вестернизации в странах, не ставших колониями, оказались попытки с помощью более или менее радикальных реформ, осуществлявшихся в основном сверху, подтолкнуть медленный и болезненный для восточной страны процесс неизбежной ее трансформации. Кое-где был достигнут в результате этих попыток определенный успех. Кое-где яростное сопротивление свело такого рода попытки на нет. Но в любом случае уже в конце XIX в. был получен определенный опыт и расчищена дорога для новых попыток, теперь уже (в основном в самом начале XX в.) много более радикальных, реализовывавшихся, как правило, в форме революций, пусть даже тоже чаще всего верхушечных.

Особо следует сказать о латиноамериканских странах. Для них XIX в. был эпохой не столько вестернизации и внутренней трансформации (усилиями католической церкви и испано-португальской администрации многое в этом направлении делалось постепенно, на протяжении ряда веков), сколько национально-освободительных движений, ставивших своей целью достижение политической независимости и формального освобождения от статуса колоний. Прямое воздействие американской революции, завершившейся в конце XVIII в. созданием США, и косвенное влияние французской революции и наполеоновских войн, перекроивших политическую карту Европы и ослабивших позиции метрополий, Испании и Португалии, создали благоприятные условия для развертывания в латиноамериканских странах движения за независимость, в ходе которого подавляющее большинство этих стран перестало быть колониями. Это дало сильный толчок дальнейшей и шедшей достаточно быстрыми темпами вестернизации латиноамериканского континента. Однако многочисленные внутренние войны ослабляли молодые государства, а неразвитая с точки зрения рыночных отношений и

капиталистической техники экономика этих стран немало способствовала тому, что на протяжении большей части XIX в. многие из них были сырьевым придатком Запада, в основном США («банановые республики»). Впрочем, это не мешало тому, что технико-технологическое развитие западной цивилизации, ее основные идеи и институты, системы образования и здравоохранения, науки и культуры и т. п. оказали свое серьезное воздействие на Латинскую Америку. Как и все остальные регионы неевропейского мира, она к концу XIX в. все более зримо становилась частью великого единого целого – человечества.

Именно в прошлом и особенно на рубеже нынешнего века человечество впервые в истории стало ощущать себя чем-то единым и цельным. Разумеется, оно еще было раздроблено на неравные во многих отношениях части, а противостояние Запада и Востока было осложнено многочисленными непрекращавшимися региональными и внутренними конфликтами. В мире господствовал неустойчивый баланс политических сил, а политическая и дипломатическая активность ведущих стран Запада постоянно подрывала этот баланс, причем на смену старому приходил новый, гибли одни коалиции и создавались другие. Однако на этом привычном для той эпохи фоне уже видны были ощутимые тенденции к субъективно ощущавшемуся сужению размеров планеты и соответственно к сближению всех стран и народов между собой. Разумеется, эта тенденция была еще только что возникшей, так что объективная роль ее мало кем осознавалась, не говоря уже о том, что она сама по себе никак не препятствовала прекращению или хотя бы сокращению конфликтов. Напротив, их число явно возрастало, а сами они становились все грознее и, имея возможность опереться на все более развитую технику, таили в себе все большую разрушительную силу.

Стоит напомнить, что в конце XIX в. был изобретен пулемет, позволявший с легкостью уничтожать сотни людей, что было особенно заметным в колониальных войнах, где европейцы сталкивались с плохо вооруженными отрядами местного населения. На рубеже XIX–XX вв. появились такие новые виды вооружений, как танки и самолеты, такие важные средства связи, как автомобиль,

радио и телефон, причем эти технические новшества, сыгравшие огромную роль в жизни людей XX в., использовались едва ли не в первую очередь и главным образом для военных нужд. Вообще, входя в XX в., человечество, при всем том, что оно начинало ощущать себя чем-то единым и цельным в гораздо большей степени, нежели когда-либо раньше, все чаще и все охотнее начинало применять оружие для решения конфликтов.

Конечно, конфликты в истории были всегда, и очень часто для их разрешения применялось оружие, причем методы расправы с противниками чаще всего были жестокими. Поэтому речь идет не о чем-то принципиально новом. Новым на рубеже XX в. стало лишь то, что люди сблизились друг с другом, что конфликты между ними стали происходить чаще и решаться более масштабно, с применением технически все более совершенных средств массового уничтожения. В этом смысле шедший на смену XIX–XX в. можно было бы назвать веком войны и мира. Когда-то Лев Толстой назвал так свой величайший роман. И действительно, XIX в. тоже вполне можно было бы назвать веком войны и мира, ибо именно проблема войны и решения мирным способом оставленного ею наследия была и для Европы, и для неевропейского мира едва ли не главной. Однако даже на этом весьма серьезном фоне XX в. оказался неизмеримо более суровым. По сравнению с ним век XIX можно было бы считать временем энергичной эволюции человечества, несшей с собой в основном позитивные достижения и способствовавшей если не процветанию, то во всяком случае успешному развитию всего мира. Это был век, в котором, несмотря на войны, люди в подавляющем своем большинстве успевали наслаждаться миром. Это был век, еще не знакомый с массовым уничтожением людей, с геноцидом. Но тревожные колокола, предупреждавшие о наступлении чего-то подобного, уже звучали. Сблизившееся между собой человечество, к тому же энергично возраставшее в численности, объективно двигалось к выяснению отношений. Вопрос был только во времени.